

191

А. С. ПУШКИНЪ.

87259

СКАЗКА
О РЫБАКЪ И РЫБКЪ.

На пермяцкомъ языкѣ.

Изданіе священника
Іакова Васильевича Шестакова.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія ИМПЕРАТОРСКАГО Университета.
1899.

А. С. ПУШКИНЪ

СКАЗКА
О РЫБАКЪ И РЫБКЪ.

На пермяцкомъ языкѣ.

Изданіе Священника

Іакова Васильевича Шестакова.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета.

1899.

Отъ переводческой Коммисіи Православнаго Миссіонерскаго Общества
печатать разрѣшается. Казань, 7 сентября 1899 года.

Предсѣдатель Коммисіи, профессоръ Академіи **М. Машановъ.**

СКАЗКА

О рыбахъ и рыбкѣ.

(Коми кыввын).

Овис старик асвас старукаот самой морёберегдорын. Нйя овисо умоликмуовой избушкаокын топ куим дас куим год. Старик кыис неводон чери, а старука печкис асьсис кудель. Отныр старик чапкис морёберё невод. Воктыс пешвыны — неводын оты нять. Моднырися старик чапкис невод. Воктыс пешвыны — неводын оты морской турун. Чапкис сйя невод куимот пырися. Воктыс пешвыны — неводо шедйе зовотой чери. Чери пондыс кеймыны старикво морт шён: „Веэ тэ мэнё, старичок, бёр морёб: бура мэ тэныт мынтыся эты понда, сета тэныт вештом кыйёмё коран“, Дивуччис

Жиль старикъ со своею старухой у самаго синяго моря; Они жили въ ветхой землянкѣ ровно тридцать лѣтъ и три года. Старикъ ловилъ неводомъ рыбу, старуха пряла свою пряжу. Разъ онъ въ море закинулъ неводъ, пришёлъ неводъ съ одной тиной; онъ въ другой разъ закинулъ неводъ, пришёлъ неводъ съ травой морскюю; въ третій разъ закинулъ онъ неводъ, пришёлъ неводъ съ золотою рыбкой, съ не простою рыбкой, золотою. Какъ взмолится золотая рыбка, голосомъ молвить человѣчымъ: „Отпусти ты, старче, меня въ море, дорогой за себя дамъ откупъ: откуплюсь, чѣмъ

старик, повзис; чериявис сѣя куним дас куним год и эзна кыввы, медбы чери байтѣс морт шыон. Веѣис сѣя зовотой чери морёо и висьтавис сыво: „Ен тэ-кѣт зовотой чери! некийшом вештѣм мѣим тэсянь озков; мун бѣр морёо, гуляйт сэтчинь мымда тэ-ныт ковѣ. Бертѣс старик асвас старукадынѣо и висьтавис сывѣо ыжыт чудо. „Куты мѣ“ шувѣо старик; „таун чери, чери не простой, а зовотой; миян-моз байтѣс чери, корис-мѣнѣо веѣны сѣе бѣр морёо, ыжыт вештѣм кѣсьис, сет-вис мый бы мѣ сывись эг-кор. Эг высь мѣ сысянь-нем босыны—сѣѣ и веѣи бѣр.“

Старука пондѣс старикѣс видны: „дурак тѣ, дурак, эн тѣ вермы вештѣм черисянь босыны! Босьтын-бы тѣ коть ѣр сѣсянь, миян ѣрным совсем ни потѣм.

Вот мунѣс старик морѣ-дынѣо, аѣѣе море небура-орсышвѣо. Пондѣс сѣя кит-савны зовотой чери. Вок-тѣс (уис) сыдынѣо чери и юавѣо: „Мый ковѣ тэныт,

только пожелаешь“. Удивился старикъ, испугался: онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года, и не слыхивалъ, чтобъ рыба говорила. Отпустилъ онъ рыбку золотую и сказалъ ей ласковое слово: „Богъ съ тобою, золотая рыбка! Твоего мнѣ откупа не надо; ступай себѣ въ синее море, гуляй тамъ себѣ на просторѣ“. Воротился старикъ ко старухѣ, рассказалъ ей великое чудо: „Я сегодня поймалъ было рыбку, золотую рыбку, не простую; по-нашему говорила рыбка, домой въ море синее просилась, дорогѣо цѣною откупалась: откупалась, чѣмъ только пожелаю.

Не посмѣлъ я взять съ нея выкупъ; такъ пустилъ её въ синее море“. Старика старуха забранила: „дурачина ты, простофѣля! не умѣлъ ты взять выкупа съ рыбки! хоть бы взялъ ты съ нея корыто: Наше-то совѣмъ расколѣлось“.

Вотъ пошѣлъ онъ къ синему морю; видитъ: море слегка разыгралось. Сталъ онъ кликать золотую рыбку: приплыла къ нему рыбка, спросила:

старичок?“ Сыво кеймисе-
мөн старик байто: „Одден-
видо мэндо старука, спокой
оз сет мэим старикво, аз-
зан то сыво виль орков; аэ-
миянйсьным потём.“ „Эн
төжды,“ шувө сывө зово-
той чери. „мун Ен тэкөт
гортө воас ор“ тьян.

Бертйе старик стару-
кадыно; вижетө старука-
вөн ор виль ни. Од-
денжык ешө пондые ста-
рука видчины. „Дурак. тэ,
дурак! Коромыт дурак ор,
уна я ни öрись товк!
Бертчи. дурак. тэ чери-
дыно, кеймись сывө, кор-
керку. Аззан мян избуш-
каным совсем ни кисьсем“.

Мунйе старик морёдыно.
Вижетө морё гудыртчем.
Пондые сья китсавны зо-
вотой чери; чери воктые
и ювавись: „Мый тэныт
ковө старичек?“ Старик и
шувө сывө: „Одденжык эщө
видче старука, спокой оз
сет меим, старикво, йөбтө
керку корны тэнчит, вог
инька, сет ни тэ, матуш-
ка, жалейт мэндо, стари-
көс,“ Зовотой чери шувө:
„Эн төжды, старичок, мун

„Чего тебё надобно, стар-
че“? Ей съ поклёномъ ста-
рикъ отвѣчаетъ: „смилуй-
ся, государыня рыбка! Раз-
бранила меня моя стару-
ха, не даётъ старику мнѣ
покою: Надобно ей новое
корыто; наше-то совѣмъ
расколóлось“. Отвѣчаетъ
золотая рыбка: „не печаль-
ся, ступай себѣ съ Богомъ!
будетъ вамъ новое корыто“.

Воротился старикъ ко
статухѣ,—у старухи новое
корыто. Ещё пуще стару-
ха бранится: „Дурачина
ты, простофиля! выпро-
силъ, дурачина, корыто!
въ корытѣ много ли ко-
рысти? воротись, дурачи-
на, ты къ рыбкѣ; покло-
нись ей, выпроси ужь из-
бу“.

Вотъ пошёлъ онъ къ
синему морю: помутилось
синее море. Сталъ онъ клі-
кать золотую рыбку; при-
плыла къ нему рыбка,
спросила: „чего тебѣ на-
добно, старче“? Ей старикъ
съ поклёномъ отвѣчаетъ
„смилуйся, государыня
рыбка! ещё пуще старуха
бранится, Не даётъ ста-
рику мнѣ покою: Избу про-
ситъ сварливая баба“. От-
вѣчаетъ золотая рыбка: „Не

Ен тэкѳт гортѳ, сѳѳ и вов, печалься, ступай себѳ съ
сета ни мѳ тѳьянвѳ керку.“ Богомъ Такъ и быть: изба

Мунѳс сѳя гортѳ, му Пошѳлъ онѳ ко своей
избушкадынѳ, а сѳя ва землянкѳ, — а землянки
жын ни абу-сы местын вѳтъ ужъ и слѳда: передѳ
керку сувавѳ, ыжыт, бы- нимъ изба со свѳтѳлкой,
шѳм, сруба кирпичной, съ дубѳвыми, тѳсовыми
белитѳм, воротаез дубо- вороты *). Старуха сидитъ
вѳесѳ. Старука пукавѳ подѳ окошкомъ, на чѳмъ
ѳшындынын; мый токон свѳтъ стоитъ мужа ру-
вермѳ видѳ старикѳс: „Ду- гаетъ: „Дурачина ты, пря-
рак. тѳ, дурак! прямой тѳ, мой простофиля! Выпро-
дурак! коромыт, дурак, кер- силъ, простофиля, избу!
ку, мый мѳ сѳе эг аѳѳив, воротись, поклонись рыб-
а вот ог мѳд мѳ овны кѳ: не хочу быть чѳрною
крѳсянкаѳн, мѳда пѳртчи крѳсянкой, хочу быть
ны дворѳянкаѳ; мун кей- столбовѳю дворѳянкой“!

Нем керны, мунѳс ста- Пошѳлъ старикъ къ си-
рик моредынѳ и пондѳс нему морю: не спокойно
китсавны зовотой чери. синее море. Сталь онѳ
Воктѳс чери сыдынѳ: „Мый кликать золотую рыбку;
тѳныт ковѳ старичок?“ Сы- приплыла къ нему рыбка,
вѳ кеймисемѳн баитѳ ста- спросила: „Чего тебѳ па-
ричок: „Одденжык эшѳ вид- добно, старче“? Ей съ
че старука, совсем ни сѳя поклонѳмъ старикъ отвѳ-
бѳбмѳм, вотъ спокой оз сет- чаетъ: „Смѳлуйся, госу-
менм старикѳвѳ; оз ни мѳд дарыня рыбка! пуще преж-
сѳя овны крѳсянкаѳн, ба- няго старуха вздурѳлась,
рыняѳ мѳдѳ пѳртчины важ не даѳтъ старику мнѳ по-
дура“. Шувѳ сывѳ зовотой кою: Ужъ не хочетъ быть
чери: „Эн тѳжды, мун Ен она крѳсянкой, хочетъ
тѳкѳт гортѳ!“ быть столбовѳю дворѳян-
кой“. Отвѳчаетъ зѳлотая
рыбка: „не печалься. сту-
най себѳ съ Богомъ“!

*) т. е. воротами (старо-славянская форма творит. падежа).

Бертѣс старик старука-
дынѣ,—мый же сѣя аѣѣе?
Аѣѣе выин горт; посѣѣвын
сувавѣ сывѣп ипѣ дона
ковтаын, соболь звирисъ.
голявын бусѣез ѣшавѣны
киезвас зовотой чунькыш-
шез, коккезвас гѣрд чар-
киез, сыгѣгѣр вакеѣез бер-
гавѣны, — старука вартѣѣ
нѣе, юрсиезѣт кыскавѣ.
Пондыс вѣви старик баит-
ны асвас старукавѣ: „Здо-
рово, барыня - судары-
ня, дворянка, оны бура-
мис ни поди тѣнат сѣѣвѣ-
мыт? Чирѣктѣс токон сыв-
вѣ старука, картавѣѣ ужав-
ны ыстыс.

Вот недель чувавѣ, мо-
дык. Эшѣ ѣдденжык бѣб-
мом старука. Бѣра чери-
дынѣ старикѣс ыстѣ. Берт-
чи кеймисъ черивѣ: ог мѣ-
мѣд овны дворянкаѣн, а
мѣда овны саричаѣн. Пов-
зис старик, кеймисе ста-
рукавѣ: „Эн ни тѣ ышты,
мый тѣ, ине! эн я ни бѣб-
мы? не тальччины не шы-
сѣ висѣтавын он куж, а
саричаѣн эшѣ мѣдан овны.
да тѣ эд бѣдѣс отир сѣ ас-
вас сарсвоат смекѣ ныр-
тан. Ѡдденжык эшѣ вѣга-
сис старука,—ляскис ас-
вас старикѣвѣ пельбокѣ:

Воротился старикъ ко
старухѣ; что жъ онъ ви-
дить? Высокій тѣремъ. На
крыльцѣ сидитъ его ста-
руха въ дорогѣй собѣльей
душегрѣйкѣ, парчевая на
маковѣ кичка, жемчуги
окружили шею, на рукахъ
золотые перстни, на по-
гахъ красные сапожки.
Передъ нею усѣрдные слу-
ги; она бѣетъ ихъ, за чу-
прунь таскаетъ. Говоритъ
старикъ своей старухѣ:
„Здравствуй, барыня-суда-
рыня, дворянка! Чай те-
перь твоя душенька до-
вольна“? на него прикрик-
нула старуха, на конюш-
ню послала.

Вотъ недѣля, другая про-
ходитъ; ещѣ пуще стару-
ха вздурѣлась; опять къ
рыбкѣ старика посылаетъ.
„Воротись, поклонися рыб-
кѣ: не хочу быть столбо-
вѣю дворянкой, а хочу
быть вѣльною царицей“!
Испугался старикъ, взмо-
лился: „что ты, баба, бе-
ленѣ объѣлась? ни сту-
пить, ни мѣлвить не
умѣешь: насмѣшишь ты
цѣлое царство“. Осердѣла-
ся пуще старуха, по щекѣ
ударила мужа. „Какъ ты
смѣешь, мужикъ, спорить
со мною, со мною, дворян-

„кыѣ тэ высьтан, мужык, споритны мэкѳт, мэкѳт дворьянкакѳт! мун добром, он-кѳ мун сивой тэно кыс-касѳ морѳдыно.“

Нем керны, муыѳ старик морѳдыно. Пондыѳ сѳя китсапын зовотѳ чери. Воктыѳ сыдыно зовотѳ чери и юавис: „Мыѳ жѳ тэпыт, старичоквѳ ковѳ?“ Байтѳ сывѳ старик: „Жалейт ни тэ мэнѳ, старикѳс, матушка чери! Брастарѳй карга бунтуйтѳ: озни сѳя мѳд сѳсься дворьянкаѳн овны, саричаѳ ни мѳдѳ пѳртчины“. Байтѳ сывѳ зовотѳ чери: „Энтѳжды, мун гортѳ, Ен тэ-кѳт, старичок, ась ни ужвоас сѳя саричаѳн!“

Бертѳм старик старукадыно, Мыѳ жѳ аѳѳе? Суавѳны сыѳѳин сарскѳй коромаез, а пыныѳкыи аѳѳе асьсис старукаѳс: пызансаин нукавѳ сѳя саричаѳн, свужытѳны сывѳ чисто дворьянаез да бояраез, кысѳвѳны сывѳ заморскѳй вишаез, закусывайтѳ сѳя чѳскыт печатнѳй преничѳкѳн, сыгѳгѳр вѳг сторожѳез суавѳны, пельпѳннѳез, вын чероккез виѳены, Кызтокоп аѳѳивис этѳе старик. Усис инѳвѳ каккеѳ и висѳ-

кой столбовѳю? ступай къ морю, говорятъ тебѳ чѳстью; не пойдѳшь, поведутъ поцеволѳѳ.“

Старичокѳ отправился къ морю: почернѳло синее море. Сталъ онѳ кликать золотую рыбку; приплыла къ нему рыбка, спросила: „Чего тебѳ надобно, старичѳ?“ Ей сѳ поклонѳмъ старикѳ отвѳчаетъ: „смилуйсѳя, государыня рыбка! онять моя старуха бунтуетъ; ужѳ не хочетъ быть она дворьянкѳй, хочетъ быть вѳльной царицей“. Отвѳчаетъ золотая рыбка: „не пачалъся, ступай себѳ съ Богомъ! добро! будетъ старуха царицей!“

Старичокѳ къ старухѳ воротился. Что жѳ? Предѳнимъ царскѳя палаты, въ палатахъ видитъ свою старуху, за столомъ сидитъ она царицей, служатъ ей бояре да дворяне, наливаютъ ей замѳрскѳя вина, заѳѳдаетъ она прѳяникомъ печатнымъ; вокругъ стоитъ ея грозная стража, на плечахъ топорыи держатъ. Какъ увидѳлъ старикѳ, испугался; въ нѳги онѳ старухѳ поклонился, молвилъ: „Здравствуй, грѳз-

тавис: „Здорово грозной сарича! Онъ совсем ни по-ди бурамис тэнат събвѣ-мыт“... Эзна и виѣет съв-выѣ старука, токон вашѣт-нѣй ѣѣктѣс, медбы эз тѣр-чит съвѣн син оѣин. Ко-тѣртыштѣмасъ дворьянаез да бояраез, стыриквѣ пѣт-тѣѣ съввиѣирѣ сетависѣ, а ыбѣсдынас сторожжес чуть, чуть беднѣйка старикѣс эѣона черрезѣн керавѣ. А ѣтѣрын отир пѣттѣз сера-вис съввыин: „сѣѣ тѣныт и ковѣ старѣй дураквѣ, ѣѣ-ванъ вежѣражѣе воан; эн пукси ѣѣз додѣе!“

Вот недель, мѣдѣе чува-вѣ; эшѣ одденжѣк пондѣм ыстыны старука. вакей-езѣс жѣниксаин ытѣѣ Аѣѣе-масъ старикѣс, ваеѣтѣсѣ сыдынѣ, и шувѣ съвѣ ста-рука: „Мун‘ бертчи, кеи-мисъ чериво: ог мѣ мѣд-овны саричаѣн, мѣда мѣ-овны морѣын, кѣзайсвунт-ны сѣтчинѣ, медбы меим-свужытѣс зовотѣй чери-кыче ыста, котѣртѣс бы“.

Старик эз ни высь нем шувны. Мунѣс сѣя-морѣдынѣ. Аѣѣе-морѣввын бурья, сѣѣ морѣ и гудырт-че, сѣѣ ваввез и ветвѣны,

ная царица! ну, теперь твоя душенька довольна“? На него старуха не взгля-нула, лишь съ очѣй прог-нать его велѣла. Подѣѣ-жали бояре и дворяне, старика вѣашеи затолкали А въ дверѣхъ-то стража подѣѣжала, топорами чуть не изрубѣла. А народъ-то надъ нимъ посмѣялся: „По-дѣломъ тебѣ, старый невѣжда! впредь „тебѣ, невѣжда, наука; не садися не въ свои сани“!

Вотъ недѣля, другая проходитъ, ещѣ пуще ста-руха вздурѣлась: царе-двѣрцевѣ за мужемъ посы-лаетъ. Отыскали старика, привели къ ней. Говоритъ старику старуха: „Воро-тись, поклонися рыбкѣ: Не хочу быть вольною цари-цей, хочу быть владѣчи-цей морскою, чтобы жить мнѣ въ окѣянѣ-морѣ, чтобы служила мнѣ рыбка золо-тая и была бѣ у меня на посѣлкахъ“.

Старикъ не осмѣлился перѣчитать, не дерзнулъ по-перѣкъ слѣва молвить. Вотъ идѣтъ онъ къ синему мо-рю; видитъ: на морѣ чер-

горзómон горзёны. Пондýс сýя китсавны зовотой чери. Воктýс сыдынó зовотой чери и ювавис: „Мый жó эшó тэныт, старик, ковó?“ — „А мый ни уж мэим керны, от тóд, ёрдóm инькакóт, оз ни сýя мóд овны саричаон, мóдó сýя бвадейтны морёон, мóдó морёын овны, мóдó медбытэ присвужничайтóмыт сывó кыче ытас котóртын бы жалеит ни тэ мэно!“

Нем эз шу чери, токоп бóжон ваот ковнитýс и муныс пыдóсё. Дыр сувавис старик берегдорын, витчисис, оз я мый-кó висьтав чери, да сýз эз и вермы витчисьны. Бертýс сýя гортó—визетó: сыозин муовой избушкаок, ыбóс порогвын пукавó сывон старука, а сыозин важся потóm ёр.

Пон.

ная буря—такъ и вздулись сердитыя вóлны, такъ и ходять, такъ вóемъ и вóютъ. Сталь онъ кликать золотую рыбку. Приплыла къ нему рыбка, спросила: „Чего тебѣ надобно, старче?“ ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ; „Смилуйся, государыня рыбка! что мнѣ дѣлать съ проклятою бабой? ужъ не хочетъ быть она царицей, хочетъ быть владычицей морскою, чтобы жить ей въ окиянѣ-морѣ, чтобы ты сама ей служила и была бы у ней на посылкахъ“.

Ничего не сказала рыбка, лишь хвостомъ по водѣ плеснула и ушла въ глубокое море. Долго у моря ждалъ онъ отвѣта. Не дождался, къ старухѣ воротился... Глядь: опять передъ нимъ землянка, на порогѣ сидитъ его старуха, а предъ нею разбитое корыто.